

Изучение российского монархического самозванчества: “ловушки”, проблемы, перспективы

О. Г. УСЕНКО

Научное изучение российского монархического самозванчества началось ещё в середине XIX в. К сегодняшнему дню накоплен обширный фактический материал, имеются обобщающие работы по теме¹. Однако дальнейший прогресс, на мой взгляд, уже невозможен без критического анализа тех элементов познавательной деятельности, которые не зависят от воли отдельного исследователя, а даны ему объективно и являются априорными.

Прежде всего имеются в виду “ловушки” – когнитивные ситуации, которые выглядят нормальными, но на самом деле заставляют исследователя двигаться в неверном направлении.

Так, существует *историографическая “ловушка”* – наличие в литературе “мнимых самозванцев”. Речь идёт, во-первых, о лицах, отнесённых к лжемонархам по ошибке (на самом деле они не меняли своего настоящего имени и/или статуса и даже не заявляли о желании это сделать). Таковых не менее 11 человек: Иван Заруцкий²; сын Марины Мнишек Иван³; султан Мурат, сын каракалпакского хана Кучука (союзник восставших башкир в 1707–1708 гг.)⁴; Артамон Чевычелов⁵; житель Каргопольского уезда Иван Михайлов⁶; трое пугачёвцев – Пётр Евсевьев (Евстифеев, Евсигнеев), Яков Иванов, “разбойник Фирска”⁷; две скопческие “богородицы” – Анна Софоновна Попова и Акулина Ивановна⁸; Пётр Хрипунов (Головенко)⁹.

[с. 9]

Во-вторых, у некоторых реальных самозванцев имеются, образно говоря, “клоны под маской”. Например, в литературе фигурирует “царевич Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек”, осуждённый на смерть при Алексее Михайловиче¹⁰; на самом деле, как показывает проверка, это был Тимофей Акиндинов (Анкудинов)¹¹. У Гаврилы Кремнева, выдававшего себя за Петра III¹², оказались даже два “клона под маской”: он упоминается в литературе и как “воронежский сапожник”, действовавший в конце 1760-х гг., и как неизвестный самозванец, объявившийся “близ Крыма” в 1770 г.¹³

В-третьих, среди самозванцев присутствуют “фантомы” – целиком вымышленные лица. Это, например, некий “гусарский вахмистр”, якобы выдававший себя за Петра III на Украине в 1764 г.¹⁴ На самом деле этот образ был порождён слухами, зафиксированными в деле Николая Колченко¹⁵. Ещё один мифический Лжепётр III – это “Григорий Рябов”¹⁶.

Существуют и *публикаторские “ловушки”*, под которыми я разумею многочисленные пропуски, искажения и существенные ошибки в опубликованных источниках (прежде всего в досоветских изданиях). Примером служат напечатанные П. А. Кулишом документальные материалы о “турецком султани Ахии”. При публикации оказались перепутанными некоторые страницы, появились редакторские вставки, а в некоторых местах источники, наоборот, были сокращены за счёт отдельных слов, словосочетаний, предложений и даже абзацев, многие имена собственные и термины были искажены¹⁷. Нечто подобное, хотя и в меньшей степени, присуще публикациям документов, относящихся к Ивану Васильеву, который считал себя сыном Ивана Грозного¹⁸.

Если говорить о **проблемах**, с которыми сталкивается любой исследователь российского монархического самозванчества, то их

[с. 10]

можно поделить на терминологические, эвристические и методологические.

Даже в среде носителей русского языка существует опасность некорректной коммуникации из-за мнимой, иллюзорной понятности слов “самозванец”, “самозванство”, “самозванчество”, “самозванщина” и как следствие – из-за отсутствия чётких определений у этих терминов.

Если посмотреть справочную литературу на русском языке, то сутью понятия “самозванец” оказывается вот что: человек являет себя окружающим в качестве носителя нового имени и/или статуса, взятого им произвольно, без санкции окружающих¹⁹. Но на этой почве учёные расходятся: одним из них для отнесения человека к самозванцам достаточно лишь сказанных им слов – публичного притязания на не принадлежащие ему имя и/или статус²⁰, другим же авторам слов мало – нужны ещё и целенаправленные действия со стороны индивида, подкрепляющие сказанное им²¹.

Термин “самозванщина” использовался в основном до 30-х гг. XX в. Им обозначали как цепочку народных выступлений в поддержку самозванцев, так и единичное, но массовое движение протеста под предводительством удачливого лжемонарха – такого, например, как Лжедмитрий I или Емельян Пугачёв. При этом авторы, употреблявшие данный термин, иногда заменяли его словом “самозванство”²².

“Самозванство” – самый популярный термин, причём он используется для обозначения не только помыслов и поступков собственно самозванцев, но также взглядов и действий их сторонников, отношений между лжемонархами и окружающими²³. Однако для тех же целей некоторые исследователи применяют понятие “самозванчество”²⁴.

[с. 11]

Хотя мало кто считает все эти термины синонимами, всё равно они оказываются таковыми, ибо их применяют и тогда, когда в центре внимания – индивид (самозванец), и тогда, когда рассматривается общественная реакция на его действия.

Терминологическая проблема существует и в ситуации, когда общаются носители русского и других языков.

В первую очередь это связано с уникальностью слова “самозванец”. Оно родилось в начале XVII в. и сначала было именем нарицательным (обозначало Лжедмитрия I), а потом превратилось в обобщающее понятие, получив распространение не только в русском, но и в других славянских языках. За пределами этого ареала адекватных соответствий слову “самозванец” нет²⁵. Например, К. С. Ингерфлом замечает, что уже сам перевод русского термина приводит к искажению его смысла, поэтому он предпочитает калькировать слово “самозванец” и заменяет его неологизмом “un auto-nommé”²⁶.

Кроме того, у иностранных терминов, аналогичных русскому “самозванец”, имеются особые смыслы (коннотации).

В литературе, изданной за пределами России, понятие “самозванец” передаётся либо с помощью эпитетов, маркирующих обман и обманщика, либо с помощью слов, обозначающих человека, который посягает на то, что ему (пока) не принадлежит.

Например, указанному понятию соответствует в немецком языке более узкое по значению слово “узурпатор” (der Usurpator), а термин “самозванный” передаётся или конкретным словом с приставкой “псевдо-” (Pseudo-), или прилагательным “ложный” (falsche), или просто “калькируется” (selbsternannt).

Сходным образом в английском и французском языках для передачи понятия “самозванец” употребляются как описательные

[с. 12]

средства – приставка pseudo- (в обоих языках), прилагательное false (англ.) или faux (фр.), так и специальные термины: a pretendent, a pretender (англ.), un prétendant (фр.) – с общим значением “притворщик; претендент на трон”; a claimant, a claimer (англ.), имеющие значение “предъявляющий права, претендент; истец”; an impostor (англ.), un imposteur (фр.), означающие прежде всего лжеца, обманщика и лишь во вторую очередь – человека, выдающего себя за другое лицо.

При этом у разных авторов перечисленные выше термины могут обретать различные смысловые оттенки и даже существенно различаться.

Так, Д. Филд считает, что “a pretender” – это человек, притязающий на престол в обход правил наследования, благодаря которым правящий монарх вошёл на трон и которых придерживается (примером служит Екатерина II). “An impostor” же выдаёт себя за того, кто, с точки зрения общепринятых правил наследования, был бы легитимным правителем.²⁷

Наоборот, М. Перри полагает, что “an impostor” более соответствует русскому понятию “самозванец”, нежели “a pretender”²⁸. Но согласно устоявшейся традиции она употребляет оба слова, когда речь идёт о человеке, ложно принявшем имя и титул монарха²⁹.

Нельзя не отметить и отсутствие прямых соответствий русским терминам “самозванство”, “самозванчество” и “самозванщина” при наличии, однако, функционально аналогичных терминов, которые то разводятся, то воспринимаются как синонимы и при этом используются для маркировки жизнедеятельности не только самозванца, но и тех, кто вошёл с ним в контакт или слышал о нём.

Например, во французской литературе используются слова “une imposture” и “une prétention”³⁰. Особняком опять же стоит

[с. 13]

К. С. Ингерфлом, заменяющий термины “самозванство” и “самозванчество” одним неологизмом “une auto-nomination”³¹.

В англоязычной литературе употребляются термины “an imposture”, “a pretension”, “a pretence”, “a pretendership”, “a pretenderism”, “a phenomenon of pretence”, “a pretender phenomenon”, “a pretender movement”³². При этом Д. Филд разводит понятия “a pretendership” и “an imposture”, лишь последнее относя к феномену самозванства/самозванчества³³.

Эвристические проблемы связаны с выявлением и сбором первичных данных по интересующей нас теме.

Главная трудность обусловлена распылённостью архивных материалов – как на международном уровне, так и внутри России.

К примеру, документы о “султани Ахии” остались не только в России, но и, по всей видимости, в Нидерландах, Франции, Италии, Австрии, Польше и, возможно, Чехии³⁴. Неизвестные материалы о жизни и похождениях Мануила Дербинского, по идее, должны быть в архивах Польши³⁵, а о жизни Бризасье – в архивах Франции и опять же, возможно, Польши³⁶. Думается, что заезжавшие в Россию арабские “принцы” оставили архивные следы в Италии, Франции, Австрии, Чехии, Германии, Швеции, Польше, Турции, Нидерландах³⁷. Документы о Гавриле Кремневе хранятся и в Москве, и в украинском Харькове³⁸.

Даже в России дела о самозванцах распылены по многим архивам. Из московских следует назвать Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). В Санкт-Петербурге это Российский государственный исторический архив (РГИА). Материалы о некоторых лжемонархах второй

[с. 14]

половины XVIII в. хранятся и в областных архивах – например, в Омске³⁹ и Ростове-на-Дону⁴⁰.

Но и в отдельных российских архивах чаще всего дела о самозванцах рассредоточены по разным фондам, причём “прячутся” среди сотен и даже тысяч дел, а описи далеко не всегда помогают в их поиске. В связи с этим хочу поделиться личным опытом и привести список фондов, где мне попадались документы, имеющие отношение к заявленной теме.

РГАДА: ф. 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой важности); ф. 7 (Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии), оп. 1, 2, 3; ф. 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью), оп. 1; ф. 124 (Малороссийские дела), оп. 1, 3, 4; ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 3, 5; ф. 149 (Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия I); ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 2, ч. 2; ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера), оп. 2; ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 12, 13, 14; ф. 214 (Сибирский приказ), оп. 1, ч. 5; оп. 3; ф. 229 (Малороссийский приказ), оп. 2; ф. 248 (Сенат и его учреждения), оп. 3, 113; ф. 349 (Московская контора тайных розыскных дел), оп. 1, 2, 3; ф. 371 (Преображенский и Семёновский приказы), оп. 1, ч. 1; оп. 2; ф. 1274 (Архив Паниных-Блудовых), оп. 1, ч. 1.

АВПРИ: ф. 2 (Внутренние коллежские дела), оп. 2/1, 2/6; ф. 9 (Дела о выездах иностранцев в Россию), оп. 9/1; ф. 13 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и высоким особам на русском языке), оп. 13/2; ф. 14 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и высоким особам на иностранных языках), оп. 14/1; ф. 15 (Приказные дела новых лет), оп. 15/3; ф. 32 (Сношения России с Австрией), оп. 6; ф. 33 (Венская миссия), оп. 2; ф. 41 (Сношения России с Венецией), оп. 3; ф. 53 (Сношения России с

[с. 15]

Данией), оп. 1; ф. 54 (Копенгагенская миссия), оп. 1; ф. 56 (Сношения России с Индией), оп. 1; ф. 75 (Регенсбургская миссия), оп. 1; ф. 83 (Сношения России с Имперским собранием), оп. 83/2; ф. 86 (Сношения России с Сербией и Славонией), оп. 86/1; ф. 89 (Сношения России с Турцией), оп. 89/1, 8; ф. 95 (Сношения России с Черногорией), оп. 95/1; ф. 105 (Арабские дела), оп. 105/1; ф. 122 (Киргиз-кайсацкие дела), оп. 122/1, 122/3; ф. 124 (Малороссийские дела), оп. 124/1.

РГВИА: ф. 8 (Генерал-аудиторская экспедиция Канцелярии Военной коллегии), оп. 1/89, 5/94; ф. 20 (Военная экспедиция Военной коллегии), оп. 1/47; ф. 44 (Румянцев П. А.), оп. 1/193; ф. 52 (Потёмкин Г. А.), оп. 1/194.

Наконец, на уровне эвристики проблемой видится разрозненность исследователей в разных странах, из-за чего многие публикации по теме оказываются для некоторых учёных недоступными или же обмен информацией происходит с большим опозданием.

Что касается *методологических проблем*, то они возникают уже на стадии первичной обработки собранных материалов, когда источники изучаются применительно к отдельным персонажам.

Так, имеет место разнობой при отсеивании лишнего фактического материала. Виной тому прежде всего отсутствие чёткой дефиниции у ключевого понятия “российский лжемонарх”.

Широко распространено мнение, что индивид превращается в лжемонарха уже тогда, когда именуется титулом или эпитетом, который в массовом сознании увязывается с верховным правителем или членом его фамилии, т. е. публично заявляет о своих притязаниях на высочайший статус⁴¹. Однако это мнение лишь на первый взгляд кажется бесспорным⁴² – особенно если учесть,

[с. 16]

что российское законодательство XVII–XIX вв. отличало “самозванца” от человека, повинного в произнесении “непристойных речей”. Речь идёт о словах, которые быстро забывались или дезавуировались тем, кто их произносил, и не подкреплялись никакими действиями с его стороны для утверждения себя в той роли, которую он вроде бы только что принял⁴³.

Подавляющее большинство работ по интересующей нас теме базируются на постулате, что “российское” тождественно “русскому” или хотя бы “славянскому”. Между тем нельзя игнорировать сведения о живших в России самозванцах неславянского происхождения и/или нехристианского вероисповедания – помимо уже называвшихся арабских “принцев” можно вспомнить Хаску Ваносова⁴⁴ и Карасакала⁴⁵.

С другой стороны, часть авторов причисляет к “российским/русским” самозванцам и тех, которые действовали за пределами Российского государства, но своими притязаниями были непосредственно с ним связаны – претендовали на царский трон или на родство с тем, кто его занимал⁴⁶.

Далее, существует априорное деление самозванцев на, так сказать, “полноценных” и “неполноценных”.

Одним из критериев подобной сегрегации выступает их “значительность”. Издавна интерес вызывают главным образом участники движений социального протеста. Сообразно с этим деяния российских лжемонархов и их сторонников трактуются как проявление анархии или же как сознательная борьба за власть. Рождённое ещё в XIX в. утверждение, что самозванчество – это форма социального протеста, стало в СССР фактически догмой. И хотя господство так называемой “марксистско-ленинской идеологии” сошло на нет, ряд российских историков по-прежнему предпочитают

[с. 17]

не замечать лжемонархов, остававшихся в стороне от волнений, бунтов и восстаний.

“Кандидаты в самозванцы” изначально делятся также на “психически здоровых” и “больных”, причём последние чаще всего остаются за рамками исследования. При этом авторы не излагают критериев подобной сегрегации; можно даже предположить, что эти критерии просто не сформулированы⁴⁷.

Указанный подход, по сути, антиисторичен, ибо исследователи не учитывают социокультурной относительности представлений о психической норме. К тому же сведения источников чаще всего не позволяют сделать однозначный вывод о психическом состоянии интересующего нас лица⁴⁸. Однако нельзя полностью доверять и современникам самозванца, когда речь идёт об оценке его психического состояния. В России XVII–XVIII вв. доказательствами сумасшествия были нечленораздельная и несвязная речь, озирание по сторонам, беспричинный смех, крики, драчливость, срывание с себя одежды и т. п. Если же речь и поведение человека внешне подозрений не вызывали, то его могли отнести к нормальным, пусть даже его речи, на наш взгляд, были чистой ахинеей⁴⁹.

Помимо этого, одни авторы уверены, что переход в самозванцы совершается на трезвую голову и в результате осознанного решения⁵⁰. Другие полагают, что самозванцем вполне можно стать и пребывать в состоянии аффекта и/или алкогольного опьянения. Но и в этом случае лицам, повинным лишь в “пьяной болтовне”, внимание уделяется редко⁵¹. Кроме того, в литературе господствует постулат, что лжемонарх играет свою роль всерьёз. Однако для ряда авторов самозванческой оказывается и роль главного персонажа некоторых фольклорных игр – например, “игры в царя”⁵².

[с. 18]

Наконец, и “полноценных” самозванцев исследователи делят на группы, но без чётко сформулированных критериев. Учёные говорят о “светском” и “религиозном” самозванчестве, о “нижнем (народном)” и “верхнем”, выделяют среди лжемонархов сознательных обманщиков и тех, кто искренне заблуждался на свой счёт. “Обманщики” в свою очередь, делятся на “авантюристов” (корыстолюбцев) и “народных заступников”⁵³. И всё же такая типология на поверку оказывается недостаточно продуманной и чёткой.

На стадии вторичной обработки собранных материалов (при сравнении самозванцев и обобщении имеющихся данных) главная проблема – это отсутствие общепринятой схемы или алгоритма всестороннего осмысления интересующего нас феномена. Из-за этого в работах, посвящённых российскому монархическому самозванчеству, описание и повествование преобладают над анализом и обобщением.

Эта ситуация также обусловлена значительными различиями в объёме и структуре фактических данных о тех или иных самозванцах.

Об одних лжемонархах вся известная нам информация не превышает нескольких строк, о других же написаны десятки, сотни и тысячи страниц. Многие самозванцы были одиночками, другие могли похвастаться лишь несколькими сторонниками, третьи вели за собой десятки и даже сотни людей, некоторые сумели привлечь на свою сторону десятки тысяч, а кое-кому довелось и воссесть на троне. Одни самозванцы пребывали в своей мифической ипостаси несколько часов, другие – дни, недели, месяцы, третьи же не выходили из образа годами и даже десятилетиями. Одни преследовались государством, другие воспринимались как безобидные, а отдельным счастливицам власти даже оказывали

[с. 19]

некоторую материальную поддержку. Для одних самозванство было единичным актом, другие же примеряли на себя разные образы или принимали одну и ту же мифическую ипостась по два раза.

Теперь поговорим о **перспективах** изучения заявленной темы. Во-первых, следует выявлять “мнимых самозванцев”, а также ошибки в опубликованных источниках (на основе их сличения с оригиналами). Во-вторых, нужно продолжать архивные разыскания. Возможны открытия не только новых фактов об уже известных лицах, но и выявление новых, ещё не известных лжемонархов.

Одно из направлений поисков определяется при формулировке ответа на вопрос: где рассматривались дела о государственных преступлениях после упразднения Преображенского приказа и до учреждения Тайной канцелярии (1729 – март 1731 гг.)? Видимо, эти дела нужно искать в фондах Верховного тайного совета и Сената⁵⁴.

Желательны разыскания и в фондах, где отложились документы из Кабинета Её Императорского Величества (ноябрь 1731 – декабрь 1741⁵⁵). Дело в том, что 6 ноября 1731 г. Анна Иоанновна именным указом в Сенат повелела передать в Кабинет реестры всех судебных дел, производившихся в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и приказах, а также впредь предоставлять подобные реестры ежемесячно⁵⁶. Известны по крайней мере десять самозванцев, чью судьбу в той или иной степени решали кабинет-министры⁵⁷.

В-третьих, желательна дальнейшая интеграция специалистов по заявленной теме, представляющих разные страны и разные гуманитарные дисциплины. Этому, например, могло бы способствовать издание альманаха по истории самозванчества вообще и российского в частности.

[с. 20]

В-четвёртых, дальнейшее постижение интересующего нас феномена зависит и от установления консенсуса между исследователями относительно решения перечисленных выше проблем в сфере терминологии и методологии. Мои соображения на этот счёт следующие.

Наиболее корректным и функциональным видится такое определение понятия “самозванец”:

1) это дееспособный и правоспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намёками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, а от людей, не знакомых с ним, скрывал свои истинные биографические данные или искажал их, играя новую роль (неважно – взятую вследствие заранее обдуманного плана или спонтанной реакции окружающих); и всё это он делал прежде всего ради того, чтобы лично пользоваться плодами своих усилий;

2) это индивид, который, начав однажды играть новую социальную роль (даже если она была принята им под принуждением или в состоянии опьянения, аффекта, душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (свои и/или чужие) целенаправленными действиями – до момента публичного отказа от новой ипостаси или до своей смерти; который выстраивал своё дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания поверивших ему людей, пусть даже он общался с ними нерегулярно и тайно;

3) это индивид, который притязал на новый статус, объективно не имея на то никаких прав, причём его заявления были признаны в целом недостоверными и необоснованными – как современниками,

[с. 21]

так и потомками (историками); это человек, который, даже убедив на время какую-то часть людей, в конце концов был разоблачён как обманщик (неважно – при жизни или после его смерти);

4) это человек, воспринимавший себя в новом качестве и/или так воспринимавшийся другими не “в шутку”, а “всерьёз”, не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни;

5) это индивид, который претендовал на статус, входивший в число привычных или хотя бы известных и принципиально возможных для данного общества; это человек, прилагавший к себе эпитеты, не вызывавшие недоумения или смеха у окружающих, т. е. стремившийся (хотя бы мысленно) вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в ней⁵⁸.

Имеет смысл ввести термин “псевдосамозванец” – для обозначения, к примеру, лица, которое стали воспринимать в новом качестве после его смерти⁵⁹, а также индивида, которого с детства воспитывали как царевича, который верил в своё высокое происхождение и не имел опыта “домифического” бытия⁶⁰. Данный термин применим и к человеку, который под видом другого лица вводит в заблуждение окружающих на короткое время, причём не стремится извлечь из этого практическую выгоду лично для себя, а если и стремится, то выгоду видит лишь в том, чтобы более комфортно существовать в своём привычном статусе или навредить иному лицу – тому, за кого себя выдаёт⁶¹.

Можно вспомнить подьячего М. Шошина, который в 1689 г. под видом боярина Льва Нарышкина объезжал по ночам стрелецкие караулы в Москве, намеренно раздражая и оскорбляя служилых людей. Он отнюдь не собирался круто менять свою жизнь, его задача была проста – вызвать гнев у стрельцов и направить его на Л. Нарышкина⁶².

[с. 22]

Другой вариант “псевдосамозванца” представлен солдатом В. Долгополовым, который в 1756 г., “желая отбыть себе... плетми наказания”, объявил командиру: “Ну ин де пусть я буду царского поколения”⁶³.

К российским самозванцам, на мой взгляд, относятся лишь лица, которые, будучи на свободе и при этом в мифической ипостаси, находились: 1) на территории Российской империи (в её границах на тот момент времени), т. е. или родились там, или приехали из-за границы по своей воле (не были привезены под стражей); 2) за пределами Российской империи, но на корабле под российским флагом (территория корабля считается частью территории той страны, к порту которой он приписан) или же в составе российских сухопутных войск, выполнявших задачи, поставленные царским правительством.

Под “самозванством” предлагается разуместь мысли, чувства и действия индивида, решившего взять новое имя и/или статус – от момента, когда у него появилась идея изменить свою жизнь, до его саморазоблачения (публичного признания, что его подлинной ипостасью является та, что привычна для большинства знающих его людей и/или санкционирована властями).

Первая демонстрация индивидом своей мифической ипостаси другим людям обозначается термином “проявление”. В ходе этого события скрытое (латентное) самозванство уступает место явному, вследствие чего и рождается собственно самозванец. “Проявление” могло быть очным (самозванец объявлял о себе лично или молча шёл на поводу у тех, кто ошибочно принимал его за носителя высочайшего статуса) и заочным (“разглашение” о себе с помощью писем). Оно могло происходить и в соответствии с планами самозванца, и случайно, даже вопреки его воле.

[с. 23]

Самозванство также можно поделить на “именное” и “статусное”. Последнее – это не санкционированное официальной властью притязание индивида на новую социальную позицию, которое, однако, не сопровождается его отказом от своей истинной биографии и привычного для всех прозвания. “Именное” же самозванство имеет место тогда, когда человек не только самовольно получает новый статус, но и берёт имя реального лица (здравствующего или покойного). “Именное” самозванство всегда опирается на “статусное”, но не наоборот.

“Самозванщина” – это совокупность отношений между самозванцем и его сторонниками (если таковые имеются) и/или сочувствующими ему. Сторонники – те лица, которые помогали самозванцу в его мифической ипостаси словом и/или делом, выказывали ему знаки уважения в соответствии с его новым статусом, укрывали от властей и даже защищали его. Сочувствующие – те, кто не помогали ему и не выказывали уважения, но в то же время не пытались его схватить и выдать властям, не доносили на него. Самозванщина может родиться лишь после “проявления”. Она прекращается тогда, когда от самозванца публично отрекается последний сподвижник или сочувствующий.

Для обозначения диалектического единства двух указанных феноменов – “самозванства” и “самозванщины” – предлагается термин “самозванчество”.

Критерии зачисления индивида в категорию “джемонархов (самозванцев монархического типа)” представляются такими: 1) публичное притязание на статус представителя монаршей фамилии (причём не важно, берёт ли он имя реального исторического лица или просто называется “царём”, “царским братом”, “женихом государыни”, “земным богом”, “будущим императором”

[с. 24]

и т. п.); 2) стремление получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо добиться признания со стороны официальных властей и даже инкорпорироваться в государственную структуру, либо создать свою собственную, автономную сферу властвования – сформировать группу сторонников и добиться того, чтобы они беспрекословно его слушались, т. е. вели себя как его “подданные”.

При этом надо полагать, что монарх – это не просто лицо знатного происхождения и правитель (ныне действующий или бывший) отдельного государства, хотя бы частично сохраняющего свой суверенитет, но и носитель харизмы, т. е. человек, чьи помыслы, поступки и моральный облик если не сакрализуются, то идеализируются окружающими. Правитель, передавший власть преемнику, сохраняет статус монарха. Сохраняет его и властитель в изгнании, но лишь до тех пор, пока не поступит на службу к другому правителю или его бывшее владение не перестанет быть государством.

В состав монаршей фамилии, помимо собственно правителя, следует включать: 1) его ближайших кровных родственников – родителей, братьев и сестёр, сыновей и дочерей, племянников и племянниц, внуков (причём не важно – “законные” они или нет), 2) людей, вступивших или официально готовящихся вступить в брак с ним и его указанными выше родичами, 3) свойственников монарха, т. е. ближайших кровных родственников тех лиц, с кем он или кто-то из его близких породнился.

Мои предложения методологического характера таковы.

1. К исследовательским постулатам нужно отнести тезис, что грань между “психической нормой” и “патологией” исторически изменчива. Строго говоря, уже сам переход в самозванцы есть отклонение от нормы. Но в таком случае нужно или признать, что

[с. 25]

самозванцев как таковых нет, или допустить возможность того, что среди них окажутся люди, которые кажутся сейчас или казались ранее “ненормальными”⁶⁴. В этом смысле наиболее правильную позицию занимают исследователи, которые не видят ничего зазорного в том, чтобы называть самозванцами людей с психическими отклонениями (на наш взгляд)⁶⁵.

2. Выглядит перспективным деление лжемонархов на “авантюристов”, “реформаторов” и “блаженных”.

“Авантюрист” – это самозванец, который принял на себя новое имя и/или статус только ради личной выгоды, который не прикрывал свою корысть обещаниями популярных мер и привлекательными для народа лозунгами, а также добивался своих целей путём дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где он вращался.

“Реформатор” – это самозванец, который пытался увязать (неважно – искренне или только для виду) личные интересы с интересами своих соратников и сочувствовавших ему людей, пытался изменить социальные порядки (например, участием в движении социального протеста) или хотя бы говорил о том, что общественно-политические преобразования необходимы и предусматриваются им в будущем.

“Блаженный” – это самозванец, который не преследовал корыстных целей, не выступал против существующих порядков и не прятался от властей, а наоборот, желал, чтобы они узнали о нём, наивно полагая, что его ждёт официальное признание и обеспеченное будущее, что он обязательно займёт место на троне или рядом с ним.

Кроме того, среди лжемонархов можно выделить синтетическую (с точки зрения предыдущей разбивки) группу “народолюбцев”. К ней принадлежат лица, искавшие поддержки (неважно – с какими

[с. 26]

целями) в среде непривилегированного и полупривилегированного населения и/или у рядовых военнослужащих (исключая тех служивых, что задерживали, конвоировали и караулили самозванцев).

3. Поведение лжемонарха надо рассматривать в единстве с реакциями окружающих и властей, при этом чётко различать периоды его пребывания в мифической и подлинной ипостасях. Бывали случаи, когда после саморазоблачения человек принимался за старое – вновь начинал выдавать себя за обладателя неподобающего статуса, причём нередко обретая сторонников. Такие рецидивы логично отделять от первоначальных походов и учитывать отдельно. Для обозначения каждого такого событийного блока предлагается термин “акт самозванчества” (синоним – “случай самозванчества”).

4. Вслед за Ф. Лонгуортом⁶⁶ я предлагаю при изучении и сравнении биографий лжемонархов использовать системно-статистический анализ, а именно для каждого акта (случая) самозванчества применять как минимум следующие параметры:

1) социологический анализ биографии самозванца: настоящее имя; дата и место рождения; национальность; вероисповедание; социальное происхождение; родственные связи; грамотность, образование и кругозор; основная профессия; жизнь и перемещения до “проявления”; поведение самозванца на людях до “проявления”; физический облик, дееспособность и репутация накануне “проявления”; правовой статус, имущественное и семейное положение, занятия на момент “проявления”; дата, место и причина смерти;

2) анализ психологии самозванца: дата появления идеи о самозванстве; первичные факторы и мотивы её возникновения; критерии и механизмы самооценки в новом качестве; роль

[с. 27]

религиозных воззрений; наличие немонархического самозванства; поведение самозванца на людях после “проявления”; поведение при задержании (аресте) и на следствии; дата и причины саморазоблачения (если таковое было);

3) анализ общественной реакции на появление самозванца: дата “проявления”; обстоятельства “проявления” (место, время суток, ситуация, психическое состояние самозванца, число присутствующих, их социальный статус и предыдущие отношения с самозванцем, их реакция); доказательства своей “подлинности”, предъявляемые самозванцем; поведение людей в процессе общения с ним и после этого; письма и бумаги самозванца; документы, написанные от его имени (авторы, адресаты, степень и характер участия самозванца в их составлении, содержание); программа действий самозванца; район его деятельности; наличие самозванщины (число и состав сторонников и сочувствующих); дата задержания (ареста) лжемонарха; обстоятельства задержания (ареста); дата и суть приговора, обстоятельства его исполнения⁶⁷.

Соединение системного подхода с типологическим позволяет восполнять информационные “лакуны” путём экстраполяции имеющихся сведений.

Даже если ничего из предложенного не найдёт поддержки, то уже осмысление данной статьи научным сообществом будет весьма полезным, так как состязательный обмен мнениями – один из главных двигателей науки.

[с. 28]

---

¹ СИВКОВ К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // *Исторические записки* Т. 31. Москва, 1950. С. 88–135. (далее: СИВКОВ 1950.); НИЗОВСКИЙ А. Русские самозванцы. Москва, 1999. (далее: НИЗОВСКИЙ 1999.); LONGWORTH Ph. The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // *Past and Present* 1975. № 66. Pp. 61–83. (далее: LONGWORTH 1975.); SZVÁK G. False tsars. New Jersey, 2000. (далее: SZVÁK 2000.)

² См.: СОЛОВЬЁВ С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. V. Москва, 1990. С. 19–26. (далее: СОЛОВЬЁВ V. 1990.); КОСТОМАРОВ Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Москва, 1994. С. 770–777. (далее: КОСТОМАРОВ 1994.); ЧИСТОВ К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. Москва, 1967. С. 64–65. (далее: ЧИСТОВ 1967.); ТИТКОВ Е. П., КАУРКИН Р. В. Самозванчество в России в XVII в. // Вопросы всемирной и российской истории. Арзамас, 2002. С. 196. (далее: ТИТКОВ-КАУРКИН 2002); SZVÁK 2000. P. 45.

³ ПЛАТОНОВ С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Москва, 1995. С. 337, 352. (далее: ПЛАТОНОВ 1995.); ЧИСТОВ 1967. С. 65–66.; СКРЫННИКОВ Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. Москва, 1988. С. 537.; ЛОГИНОВА А. С. Провинциальные “лжецаревичи” Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2004. С. 7. 8. 10. 105–111. 136–138. 174–175.; SZVÁK 2000. P. 44–45.

⁴ СОЛОВЬЁВ С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. VIII. Москва, 1993. С. 167.; КОРСАКОВ Д. А. Н. А. Кудрявцев и его потомство // *Исторический вестник* 1887. Т. 29. С. 243–244.; ЧУЛОШНИКОВ А. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // *Материалы по истории Башкирской АССР*. Москва-Ленинград, 1936. Ч. 1. С. 45.; История Урала с древнейших времён до 1861 г. Москва, 1989. С. 371.; АКМАНОВ И. Г. Башкирское восстание 1704–1711 гг. // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968. С. 99.; Он же. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII века. Свердловск, 1991. С. 88–89. 92. Доказательства того, что Мурат не был самозванцем см.: ТАЙМАСОВ С. У. Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбургской

[с. 29]

губернии. Стерлитамак, 2006. С. 74.; САБИТОВ Ж. М. Генеалогии Джучидов в XIII–XVIII веках. Алматы, 2008. С. 37.

⁵ АЛЕФИРЕНКО П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. Москва, 1958. С. 325. (далее: АЛЕФИРЕНКО 1958.), прим. 104.; LONGWORTH 1975. P. 79. Доказательства того, что А. Чевычелов не был самозванцем см.: Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1218.

⁶ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны // *Русская старина* 1875. № 3. С. 533.; ЧИСТОВ 1967. С. 132; НИЗОВСКИЙ 1999. С. 283.; SZVÁK 2000. P. 102. На самом деле монастырский служитель И. Михайлов оказался жертвой подчинённого ему крестьянина Ивана Иконникова. Последний сочинил “таблицу” с шифрованным текстом от имени царя Ивана Антоновича (но тем не менее подписался так: “Я, Иван Михайлов”) и попросил И. Михайлова переписать её. Тот переписал, ничего не поняв, и отдал все бумаги заказчику (см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. Л. 80–80 об.; Д. 1612. Л. 1–62.)

⁷ ПУШКИН А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Ленинград, 1978. С. 185.; ЩЕБАЛЬСКИЙ П. К. Начало и характер Пугачёвщины. Москва, 1865. С. 81. (далее: ЩЕБАЛЬСКИЙ 1865.); МОРДОВЦЕВ Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 1. Санкт-Петербург, 1886. С. 216–217. (далее: МОРДОВЦЕВ 1886.); КОГАН А. Н. Распространение самозванства в русской деревне в период пугачёвского восстания // *Учёные записки Куйбышевского государственного педагогического и учительского института* 1943. Вып. 7. С. 222–224. (далее: КОГАН 1943.); МУРАТОВ Х. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Москва, 1954. С. 174. Доказательства того, что указанные пугачёвцы не были самозванцами см.: УСЕНКО О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // *Россия в XVIII столетии*. Москва, 2004. Вып. 2. С. 291–292. 302–303. (далее: УСЕНКО 2004.)

⁸ ЧИСТОВ 1967. С. 182.; УСПЕНСКИЙ Б. А. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1994. С. 77. 82. 95. прим. 10. Критику их взглядов см.: УСЕНКО 2004. С. 303.

---

⁹ СИВКОВ 1950. С. 131–132.; ТРОИЦКИЙ С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // *Вопросы истории* 1969. № 3. С. 144. (далее: ТРОИЦКИЙ 1969.); КУБАЛОВ Б. Сибирь и самозванцы: Из истории народных волнений в XIX в. // *Сибирские огни* 1924. № 3. С. 163. (далее: КУБАЛОВ 1924.); ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских

[с. 30]

крестьян конца XVII – середины XIX в. // *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода*. Новосибирск, 1982. С. 69–70. (далее: ПОКРОВСКИЙ 1982.); ПОБЕРЕЖНИКОВ И. В. “Самиздат” осямнадцатого века // *Родина* 1994. № 5. С. 40–41. Доказательства того, что П. Хрипунов не был самозванцем см.: УСЕНКО 2004. С. 303–304.

¹⁰ БУЛГАРИН Ф. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. Санкт-Петербург, 1843. С. 24, прим. 3.; ДУМИН С. Царица Марина // *Родина* 1994. № 5. С. 55.; УСЕНКО О. Г. Новые данные о лжемонархах в России XVII в. // *Вестник Московского университета: Серия 8: История* 2006. № 2. С. 123. (далее: УСЕНКО 2006а.); УСЕНКО О. Г. “Московский царевич” и “потомок Македонского” // *Родина* 2006. № 7. С. 53. (далее: УСЕНКО 2006б.); CHAUDON E.-J. Les imposteurs démasqués et les usurpateurs punis... Paris, 1776. P. 297–298. (далее: CHAUDON 1776.); NIEMCEVICZ J. U. Dzieje panowania Zygmunta III. Krakow, 1860. S. 35–36. (note).

¹¹ См.: СОЛОВЬЁВ С. М. Тимошка Анкидинов (XI самозванец) // *Финский вестник* 1847. Т. 13. Отд. 2. С. 5–38.; Т. 14. С. 1–34.; СОЛОВЬЁВ V. 1990. С. 236–237. 446–448. 542–548. 583–587.; ЧИСТОВ 1967. С. 70–78.; ТРОИЦКИЙ 1969. С. 144–145.; СИМЧЕНКО Ю. Б. Лжешуйский П: Православный, мусульманин, католик, протестант // *Русские: Историко-этнографические очерки*. Москва, 1997. С. 14–41.; *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. Санкт-Петербург, 1992. С. 53–55.; ДУБОВИК В. В. Самозванцы: “сыновья” Шуйского и их судьба // *Родина* 2005. № 11. С. 32–34.; SZVÁK 2000. P. 51–58.

¹² См.: СИВКОВ 1950. 103–108; ТКАЧЕНКО И. Коротоякский предшественник Пугачёва // *Подъём* 1963. № 6. С. 159–160. (далее: ТКАЧЕНКО 1963.); НИЗОВСКИЙ 1999. С. 168–172.; SZVÁK 2000. P. 105–106.

¹³ ВЕЙДЕМЕЙЕР А. И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII ст. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1846. С. 147–148.; ЩЕБАЛЬСКИЙ 1865. С. 49.

¹⁴ Отголоски пугачёвского бунта // *Русская старина* 1905. № 6. С. 664–665.

¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–2.

¹⁶ ПУТИНЦЕВ Н. Самозванец Рябов // *Русский архив* 1902. Кн. 2. С. 59–60.; ОРЛОВ П. Пугачёвщина в Сибири (по материалам Омского губернского архива) // *Сибирские огни* Новониколаевск, 1925. № 6 (ноябрь – декабрь). С. 129–130. (далее: ОРЛОВ 1925.); СИВКОВ 1950. С. 117; ПОБЕРЕЖНИКОВ И. В. Под чужим именем: Сибирские самозванцы // *Родина* 2000. № 12. С. 41.; ГОРДЕЕВ Н. П. Реформаторство и

[с. 31]

самозванство в России XVII–XVIII веков как культурно-исторический феномен. Москва, 2003. С. 233.; МАУЛЬ В. Я. Социокультурные аспекты изучения русского бунта // *Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации*. 2005. № 40 (январь). С. 36.; LONGWORTH 1975. P. 72. 79. Доказательства того, что Г. Рябов, очевидно, вымышленное лицо см.: УСЕНКО 2004. С. 304.

¹⁷ См.: КУЛИШ П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. Т. 1. Москва, 1877. С. 148–153. 157–286. (далее: КУЛИШ 1877.); РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1625 г. Д. 2.

¹⁸ См.: ЗЕНБИЦКИЙ П. Сумасшедший самозванец // *Живая старина* 1907. Вып. 3. С. 153–157. (далее: ЗЕНБИЦКИЙ 1907.); ЛУКИН П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. Москва, 2000. С. 125–127. (далее: ЛУКИН 2000.); ПАНЧЕНКО А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. Москва, 2002. С. 122–123. (далее: ПАНЧЕНКО 2002.); РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 1304.

---

¹⁹ См.: ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (любое изд.). Статья “Лгать”; Толковый словарь русского языка. Т. 4. Москва, 1940. С. 34; Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, 2000. С. 1144.; Энциклопедический словарь (далее: ЭС) Ф. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА. Санкт-Петербург, 1900. Т. XVIIIа (56). С. 208.; Советская историческая энциклопедия. Т. 12. Москва, 1969. Стб. 515–516. Ср.: *The Russian Mentality: Lexicon*. Katowice, 1995. P. 89–90.

²⁰ См.: СИВКОВ 1950. С. 124, прим. 160.; ЧИСТОВ 1967. С. 121. 129–130.; ПОКРОВСКИЙ 1982. С. 51.; АНИСИМОВ Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. Москва, 1999. С. 43–47. (далее: АНИСИМОВ 1999.); ЛУКИН 2000. С. 112–163.; КУРУКИН И. В. Поэзия и проза Тайной канцелярии // *Вопросы истории* 2001. № 2. С. 132–133. (далее: КУРУКИН 2001.)

²¹ См.: ЩЕРБАТОВ М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. Санкт-Петербург, 1774.; СОЛОВЬЁВ С. М. Заметки о самозванцах в России Т. 2. // *Русский архив* 1868. (далее: СОЛОВЬЁВ 1868.); КУБАЛОВ 1924.; ТРОИЦКИЙ 1969.; УСПЕНСКИЙ 1994.; ВАСЕЦКИЙ Н. А. Самозванцы как явление русской жизни // *Наука в России* 1995. № 3. С. 57–63. (далее: ВАСЕЦКИЙ 1995.)

²² См.: КУЛИШ 1877. С. 4. 22. 46. 89.; ПЛАТОНОВ 1995. С. 186. 206. 214. 231. 337. 340.; КОРОЛЕНКО В. Г. Современная самозванщина // *Русское богатство* 1896. № 8. С. 119–154. (отд. пагинация); ТИХОМИРОВ М. Н. Самозванщина // *Наука и жизнь*

[с. 32]

1969. № 1. С. 116.; СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. Гражданская война в России в XVII в. // *Казачество на переломе истории*. Москва, 1990. С. 243.

²³ См.: КОСТОМАРОВ 1995. С. 55.; СОЛОВЬЁВ С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. IV. Москва, 1989. С. 429. 481–482.; СОЛОВЬЁВ 1868. Стб. 265–281.; ЩАПОВ А. П. Умственные направления русского раскола // *Дело* 1867. № 11. С. 154.; МОРДОВЦЕВ 1886. С. 15.; КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Москва, 1957. С. 27.; КУБАЛОВ 1924. С. 152. 162. 170–171. 177.; КОГАН 1943. С. 222. 224–225.; СМЕРНОВ И. И. Восстание Болотникова (1606–1607). Москва–Ленинград, 1951. С. 15. 253.; МАВРОДИН В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачёва. Т. 1. Ленинград, 1961. С. 469–477.; АНДРУЩЕНКО А. И. О самозванстве Е. И. Пугачёва и его отношениях с яицкими казаками // *Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России*. Москва, 1961. С. 146–150.; ЧИСТОВ 1967. С. 27. и сл.; ТРОИЦКИЙ 1969. С. 134. 139–146.; РАЗОРЁНОВА [КОЗЛОВА] Н. В. Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // *Вестник Московского университета: Серия истории* 1974. № 6. С. 54. 64–66. (далее: РАЗОРЁНОВА [КОЗЛОВА] 1974.); ОВЧИННИКОВ Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачёва: источниковедческое исследование. Москва, 1980. С. 23–25.; СКРЫННИКОВ Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 6. 185.; ИНГЕРФЛОМ К. С. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) // *Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма*. Москва, 1991. С. 99–100.; БУЙДА Ю. Алхимия самозванства // *Страна и мир* 1992. № 1. С. 152–154.; ДОРОФЕЕВ В. В. Самозванцы (к истории появления слова). Оренбург, 1994. С. 6. 20. (далее: ДОРОФЕЕВ 1994.); ВАСЕЦКИЙ 1995. С. 57–63.; АНДРЕЕВ И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // *Знание – сила* 1995. № 8. С. 47–53. 56. (далее: АНДРЕЕВ 1995.); АНИСИМОВ 1999. С. 42–47.

²⁴ См.: СИВКОВ 1950. С. 88. 107. 111. 113. 120. 129–134.; ПОКРОВСКИЙ 1982. С. 71. 74.; УСПЕНСКИЙ 1994. С. 75–76. 80–81. 87–90. 94.; ЧИСТЯКОВА Е. В., СОЛОВЬЁВ В. М. Степан Разин и его соратники. Москва, 1988. С. 54.; МЫЛЬНИКОВ А. С. Искушение чудом: “Русский принц” и самозванцы. Ленинград, 1991. С. 219–220. 228. 242–243. 250.; ЛУКИН 2000. С. 4. 103. сл.; КУРУКИН 2001. С. 132–133.

²⁵ ДОРОФЕЕВ 1994. С. 4–5. 19.

[с. 33]

---

²⁶ INGERFLOM C. S. Les représentation collectives du pouvoir et l'«imposture» dans la Russie des XVIII-e – XX-e siècles // *La royauté sacrée dans le monde chrétien*. Paris, 1992. P. 162. (далее: INGERFLOM

1992.); Idem. Entre le mythe et la parole: l'action: Naissance de la conception politique du pouvoir en Russie // *Annales: Histoire, sciences sociale* 1996. № 4. P. 736. далее: (далее: INGERFLOM 1996.)

²⁷ FIELD D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. P. 8. (далее: FIELD 1976.)

²⁸ PERRIE M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 1. (далее: PERRIE 1995.)

²⁹ PERRIE 1995. P. 1–250.; Eadem. Samozvanchestvo Reconsidered: “Calling Oneself a Tsar” in Seventeenth-Century Russia // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике/ New Directions and Results in International Russistics. Budapest, 2005. С. 92–97. (далее: PERRIE 2005.)

³⁰ См., например: CHAUDON 1776; d'Antas M. Les faux Don Sébastien. Paris, 1866.; PAVIEL A. Les imposteurs. Paris, 1936.; BESANÇON A. Le tsarévitch immolé. Paris, 1967.; DURAND-CHEYNET C. Boris Godunov et le mystère Dimitri. Paris, 1986.; BERCÉ Y.-M. Le roi caché: Sauveurs et imposteurs. Paris, 1990.

³¹ INGERFLOM 1992. P. 162.; INGERFLOM 1996. P. 736.

³² См.: CHERNIAVSKY M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven-London, 1961. P. 53. 97–99.; STANLY B. R. Royal Mysteries and Pretendents. London, 1969.; AVRICH P. Russian Rebels. New-York, 1972.; LONGWORTH 1975. P. 61–83.; FIELD 1976. P. 8–9. 23–24.; PERRIE M. Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack “Tsareviches” in Seventeenth-Century Russia // Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2000. P. 243–256.; SZVÁK 2000.; GESSEN A., POE M. [Review] // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 2002. Vol. 3 (1). P. 135. (далее: GESSEN 2002.)

³³ FIELD 1976. P. 8.

³⁴ См.: УСЕНКО О. Г. Ототоманус, или Сын турецкого султана // *Родина* 2006. № 6. С. 46–52.

³⁵ См.: УСЕНКО 2006а. С. 126–131.; УСЕНКО 2006б. С. 50–53.

³⁶ См.: УСЕНКО О. Г. Фальшивый принц и нищий царевич // *Родина* 2006. № 10. С. 59–61.

³⁷ См.: УСЕНКО О. Г. “Восточные властители” с протянутой рукой // *Родина* 2008. № 1. С. 34–36.; УСЕНКО О. Г. Арабские “принцы” и скопинский мужик //

[с. 34]

Родина 2008. № 5. С. 67–69; УСЕНКО О. Г. Ария индийского гостя // *Родина* 2008. № 7. С. 42–44.

³⁸ См.: ТКАЧЕНКО 1963. С. 159.

³⁹ См.: ОРЛОВ 1925. С. 129–130.

⁴⁰ См.: ПРОНШТЕЙН А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов на Дону, 1961. С. 304–306.

⁴¹ См.: РЕУТСКИЙ Н. В. Люди божьи и скопцы. Москва, 1872. С. 37.; СИВКОВ 1950. С. 124., прим. 160.; АЛЕФИРЕНКО 1958. С. 325–326.; ЧИСТОВ 1967. С. 121. 129–130.; ПОКРОВСКИЙ 1982. С. 51.; АНИСИМОВ 1999. С. 43–47.; ЛУКИН 2000. С. 112–163.; КУРУКИН 2001. С. 132–133.; PERRIE 2005. С. 97.

⁴² См.: УСЕНКО О. Г. Кто такой “самозванец”? // *Вестник славянских культур* 2002. № 5–6. С. 42. (далее: УСЕНКО 2002.)

⁴³ См.: АНИСИМОВ 1999. С. 53–72.; ЛУКИН 2000. С. 9–15. 18–169.; КОЛОКОЛЬЦОВ В. Б. Законодательство Российской империи о самозванстве // Законодательство Российской Империи о дворянстве и современное российское дворянство. Санкт-Петербург, 1996.; СИМЧЕНКО Ю. Б. Анализ политических и государственных процессов 1630–1640-х годов по книге Н. Новомбергского // *Русские: историко-этнографические очерки*. Москва, 1997. С. 48–50.

⁴⁴ См.: УСЕНКО О. Г. Первый сибирский лжемонарх // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятое научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 117–120.; УСЕНКО О. Г. Как стать султаном и царём одновременно // *Родина* 2007. № 5. С. 55–57.

⁴⁵ См.: ИГНАТЬЕВ Р. Г. Карасакал, лжехан Башкирии // *Труды Научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БССР* Вып. 2. С. Стерлитамак, 1922. 38–66.; ВИТЕВСКИЙ В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. С. 164–174.; ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1984. С. 8–13.; МОИСЕЕВ В. А. Дело Шоно-Лоузана // Четырнадцатая научная конференция “Общество и государство в Китае”: Тезисы и доклады. Ч. 2. Москва, 1983. С. 96–103.; МОИСЕЕВ В. А. Степной самозванец // *Простор* 1984. № 6. С. 200–204.; АКМАНОВ И. Г. Башкирские восстания в XVIII в.

Уфа, 1987. С. 41–44.; АКМАНОВ И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII века. Свердловск, 1991. С. 130–136.; ТАЙМАСОВ С. 81–89.; ТАЙМАСОВ С. У. К вопросу о происхождении Карасакала // *Вестник Академии наук*

[с. 35]

Республики Башкортостан Т. 9. № 4. 2004. С. 67–70.; ТАЙМАСОВ С. У. Карасакал в Казахстане // *Ватандаш (Соотечественник)*. 2006. № 1. С. 45–51.; ИЗБАСАРОВА Г. Б. Восстание 1740 г. в Башкирии: Карасакал в казахской степи // *Вестник Казахского государственного национального университета имени Аль-Фараби: Серия историческая* 2002. № 3 (25).

⁴⁶ См.: СОЛОВЬЁВ 1868.; ТРОИЦКИЙ 1969.; НИЗОВСКИЙ 1999.; ТИТКОВ-КАУРКИН 2002.

⁴⁷ См., например: СИВКОВ 1950. С. 113. (прим. 120.) 123–124.

⁴⁸ См.: Там же; СОЛОВЬЁВ С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. VII. Москва, 1991. С. 129. (далее: СОЛОВЬЁВ VII. 1991.); ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Самозванный сын Петра I // *Вопросы истории* 1983. № 4. С. 188.; АНИСИМОВ 1999. С. 44. 47. 383–386. 388.; ЛУКИН 2000. С. 124–127. 134.; КУРУКИН 2001. С. 132–133.

⁴⁹ См.: АНИСИМОВ 1999. С. 384–389.; УСЕНКО 2002. С. 41.

⁵⁰ См.: СИВКОВ 1950. С. 89.

⁵¹ См.: АНИСИМОВ 1999. С. 45–46; ЛУКИН 2000. С. 11. 104. 122–123. 134–136. 139–149. 153–161.; РАЗОРЁНОВА [КОЗЛОВА] 1974. С. 54; АНДРЕЕВ 1995. С. 47.; PERRIE 2005. С. 97.

⁵² См.: ТРОИЦКИЙ 1969. С. 139.; УСПЕНСКИЙ 1994. С. 82–84.; МАУЛЬ В. Я. Социальная психология участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 15.; МАУЛЬ В. Я. Харизма и бунт. Томск, 2003. С. 11.; ЛУКИН 2000. С. 67–68. 163–168.; ПАНАСЮК В. В. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Образование и общество* 2004. № 1. С. 116–117.; GESSEN 2002. P. 135.

⁵³ См.: ЩЕБАЛЬСКИЙ 1865. С. 52.; СОЛОВЬЁВ 1868. Стб. 272. 274.; ЭС Ф. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА. Т. XVIIIa (56). С. 208. 210.; ТРОИЦКИЙ 1969. С. 134. 144.; ВАСЕЦКИЙ 1995. С. 59.

⁵⁴ См.: ЕРОШКИН Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. Москва, 1960. С. 137.; ФИЛЮШКИН А. Битюцкое дело: Первые шаги русской контрразведки // *Родина* 2009. № 2. С. 60.

⁵⁵ См.: ЭС Ф. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА. Санкт-Петербург, 1894. Т. XIIIa (26). С. 787–788.; АНИСИМОВ 1999. С. 118.

⁵⁶ См.: Сборник имп. Русского исторического общества. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 7.

⁵⁷ Это Тимофей Труженник и Ларион Стародубцев (см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 6. Л. 143–146.); Сергей Владыкин, Алексей Костюнин, Лоренц Далрот, Иеракс,

[с. 36]

Якоб Луд (см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Ч. 1. Л. 101. 222. 243. 253.; Ч. 2. Л. 197.; Ч. 3. Л. 65–66. 135.); Мирбес Гевейш и Шехашидит (см.: Архив внешней политики Российской империи. Ф. 105. Оп. 105/1. Д. 2. Л. 31–31. об.); Иван Миницкий (см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 20. Л. 44. 159–165.; Ч. 21. Л. 9–15. об.)

⁵⁸ См. также: УСЕНКО 2002. С. 44–46.

⁵⁹ См.: СТРОЕВ А. Ф. “Те, кто поправляет фортуна”: Авантюристы Просвещения. Москва, 1998. С. 258.

⁶⁰ См.: ЭС Ф. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА. Санкт-Петербург, 1896. Т. XVIII (35). С. 53.; СТАНКЕВИЧ А. Игумен Афанасий Филиппович и шляхтич Ян Луба. Санкт-Петербург, 1885.

⁶¹ См.: ГОЛИКОВА Н. Б. Политические процессы при Петре I (по материалам Преображенского приказа). Москва, 1957. С. 199.

⁶² См.: Розыскные дела о Фёдоре Шакловитом и его сообщниках. Санкт-Петербург, 1884. Т. 1. Стб. 26. 125. 217. 235–236. 269. 278–279. 859–870. 885. 891. 901. 921–922. 932–933. 936. 963–972.

⁶³ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 6016. Л. 2. об., 6. об.

⁶⁴ См.: УСЕНКО 2002. С. 42–43.

---

⁶⁵ См.: СОЛОВЬЁВ VII. 1991. С. 129.; ЗЕНБИЦКИЙ 1907. С. 153–157.; ГУРЕВИЧ А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. Москва, 1981. С. 120.; АНИСИМОВ 1999. С. 44. 47. 383–386. 388.; ЛУКИН 2000. С. 124–127. 134.; КУРУКИН 2001. С. 132–133.; ПАНЧЕНКО 2002. С. 122–123.

⁶⁶ См.: LONGWORTH 1975. P. 61–83.

⁶⁷ Для оценки метода см: УСЕНКО 2004. С. 309–342.

[с. 37]
